

"НАЗАД К ДОСТОЕВСКОМУ!"

"Курьер", 1903 г. No 287

"Immer rückerwärts" - начертано на знамени представителей совершающегося ныне "культурного переворота": назад к Канту, назад к Фихте, назад к Гегелю, назад к Владимиру Соловьеву, назад к "романтизму", назад к "свободному искусству", назад к мистике, назад к "естественному праву" и т. д. В последнее время репертуар призывов "назад" обогатился, между прочим, призывом "назад к Достоевскому!" Память автора "Братьев Карамазовых" усиленно культивируется; за ним утверждается почетное звание "учителя жизни"; появился целый ряд новых исследований о нем. "В лице Достоевского мы имеем не только бесспорно, гениального художника, великого гуманиста и народолюбца, но и выдающийся философский талант. Из всех наших писателей почетное звание художника-философа принадлежит по праву Достоевскому; даже Толстой, поставленный рядом с ним, в этом отношении теряет в своих коллосальных размерах".

Такое, напр., категорическое заявление делает Г.С. Булгаков в своей статье: "Иван Карамазов (в романе Достоевского "Братья Карамазовы"), как философский тип".* На его статье мы и намерены остановить внимание читателей: г. Булгаков яснее и полнее своих сотоварищей по части культа Достоевского, яснее и полнее, напр., гг. Мережковского и Волынского, характеризует источники симпатий и интереса, пробужденных к "жестокому таланту".

* См. его книгу "От марксизма к идеализму", стр. 81.

Г. Булгаков ограничил свою задачу монографическим анализом одного философского "типа": из всех произведений Достоевского наиболее гениальным, по мнению г. Булгакова, следует считать роман "Братья Карамазовы", а образ Ивана является в этом романе "самой яркой в философском отношении точкой". "Из всей галереи типов этого романа этот образ нам, русской интеллигенции, самый близкий, самый родной; мы сами болеем его страданиями, нам понятны его запросы. Вместе с тем образ этот возносит нас на такую головокружительную высоту, на которую философская мысль поднималась в лице только самых отважных своих служителей".

Секрет поклонения Достоевскому, таким образом, вскрыт. В типичнейшем герое Достоевского известная часть современной интеллигенции усматривает свой собственный портрет. Иван Карамазов дорог этой части интеллигенции, как носитель модных ныне веяний и настроений. Головокружительная высота, о которой говорит г. Булгаков, это - "высота" "идеалистического" мирозерцания.

Подобная "высота" сводится к тому, что герой Достоевского - как и новейшие "идеалисты" - чувствует растерянность перед процессом "громодно несущейся жизни"; отказывается видеть в нем "смысл" и "цель", и, в пароксизме пессимистического недоверия к эмпирической действительности, требует санкции "супранатурального", "трансцендентного". Названное недоверие диктует ему своеобразную критику передового умения о прогрессе, - которое г. Булгаков характеризует термином "религия". "Иван выражает сомнение относительно трех относительных верований этой религии: относительно обязательности нравственных норм, повелевающих жертвовать этому безличному прогрессу или благу других людей свои личное благо и интересы, затем относительно того, что можно назвать ценой прогресса, в котором счастье будущих поколений покупается за счет несчастья настоящих (чисто эвдемонистическая версия теории прогресса), наконец, относительно будущего этого человечества, для которого приносятся все эти жертвы".*

* Ibid, стр. 105.

Вот что ценит неоиdealист в мировоззрении Ивана Карамазова. В общем Иван рисуется воображению г. Булгакова, как тип великого мученика "идеи"; все сомнения, все колебания, которыми богата внутренняя жизнь Ивана, записываются последнему в актив, как нечто в высшей степени положительное, достойное дифирамба.

Другими словами, магический свет "идеалистической" критики заставляет видеть предмет далеко